

Вестник МГИМО-Университета. 2022. 15(4). С. 186–198
DOI 10.24833/2071-8160-2022-4-85-186-198

КНИЖНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

Европейская политика интеграции мигрантов-мусульман

Н. Крутова-Солиман¹

Е.В. Гриневич²

Народный университет Франкфурта-на-Майне¹

Белорусский государственный университет²

Рецензия на книгу: Profanter A., Maestri E. 2021. *Migration and Integration Challenges of Muslim Immigrants in Europe*. Palgrave Macmillan. 289 p.

Ключевые слова: миграция, интеграция, принадлежность, сосуществование, Европа, европоцентризм, иммигранты-мусульмане, транссредиземноморские сети, множественное общество, глобализация, кросс-культурный плюрализм

Интерес исследователей к проблемам Евросоюза, связанным с наплывом иммигрантов и беженцев, с каждым годом растёт. В результате глобализации и нерешённых проблем в Африке и на Ближнем Востоке, растёт число беженцев. Всё больше людей покидают свои дома, преследуя мечты о лучшей жизни для себя и своих семей.

Маршруты иммиграции формируют «транссредиземноморские сети» (Arango 2016), которые, по оценке МОМ (Международной организации по миграции, США), оказываются самым опасными¹. Начиная с 2014 г. при попытке добраться из Северной Африки в Европу погибло более 19,5 тыс. человек². Потоки Юг–Север переплетаются с потоками Юг–Юг, среди которых особенно выделяются арабские страны Персидского залива. Мигранты из этих стран устраиваются на самые тяжёлые, вредные и малооплачиваемые работы.

¹ Где и как чаще всего гибнут нелегальные мигранты. 2022. *Рыбницкое интернет-телевидение*. 04 июля. URL: <https://liktv.org/gde-i-kak-chashhe-vsego-gibnut-nelegalnye-migranty/> (дата обращения: 11.09.2022)

² Туманов Г., Федорова М. и др. Средиземное море. *Коммерсант*. URL: <https://www.kommersant.ru/projects/deadly-route> (дата обращения: 11.09.2022)

УДК: 325

Поступила в редакцию: 12.06.2022

Принята к публикации: 31.08.2022

Прибывают в Европу мусульмане из Северной Африки, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии, формируя очень разнородную с точки зрения культуры, традиций и быта общину, что создаёт дополнительные трудности для её интеграции в европейское сообщество (Kurz, Juchno 2019; Веретевская 2012; Захарова 2018).

Данные процессы поставили перед исследователями миграции вопрос переосмысления европоцентризма как идеологического феномена, влияющего на социокультурную интеграцию иммигрантов-мусульман, не желающих отказываться от привычного образа жизни, обычаев, традиций, уникального культурного кода, доставшегося им от предков. В связи с этим, профессор испанского университета Комплутенсе, директор Центра изучения миграции и гражданства Хоакин Аранго (Joaquín Arango) указывает на то, что различные национальные модели интеграции иммигрантов-мусульман должны анализироваться с позиции кросс-культурного плюрализма (Arango 2016), что может стать фактором продвижения диалога между различными культурными структурами в создании коллективной гармоничной среды. Относительно новые векторы политики в отношении мигрантов-мусульман – «интеграция» и «принадлежность» – позволяют выйти на кросс-культурный плюрализм (Laheij 2015).

Рецензируемая книга состоит из девяти глав, каждая из которых написана экспертом в области миграции, принадлежащим к определённой европейской стране и научной школе. Сложно было выделить доминантную главу, так как каждая является значимой, представляя собственный вариант эффективной интеграции в виде национальной модели вхождения мусульман в европейское сообщество. Разработанные европейскими странами национальные модели миграционной политики в отношении мигрантов-мусульман имеют сходство, которое заключается в необходимости осознания учёта вопросов их интеграции в принимающее общество с вниманием к особенностям страны их происхождения. Авторы рецензируемой книги рассматривали вопросы взаимодействия с мигрантами как с точки зрения государственных институтов (или «сверху вниз», где основное внимание уделяется формальным социально-политическим инструментам взаимодействия принимающего общества и мигрантов-мусульман), так и с точки зрения гражданского общества (или «снизу вверх», в фокусе находится решение насущных, бытовых проблем мигрантов, обеспеченное общественными организациями без вмешательства правительства).

К новым векторам иммиграции мусульман обращается и Елена Маэстри – автор главы «Миграция и мусульманский мир: перспективы и вызовы», которая отмечает сложившуюся неоднородность мусульманского мира. Она усиливает путаницу и беспокойство в попытках европейцев понять социальные и политические явления, связанные с мобильностью людей из мусульманского мира (с. 22). Культурное разнообразие мусульманских общин рассматривается автором не только как вызов для Европы, не готовой к принятию такой гетерогенности, но и для стран мусульманского мира, вовлечённых в процесс миграции

и мобильности, таких как Северная Африка, арабский регион Персидского залива (с. 36). Важно терпеливо, с большей степенью толерантности разъяснять, раскрывать и знакомить европейцев с многообразием мусульманского мира, лежащим в основе новых моделей сотрудничества и сосуществования.

Необходимость изучения «интеграции» и «принадлежности» в комплексе будет способствовать гармоничному сосуществованию мигрантов-мусульман и принимающего общества и вести к дальнейшей интеграции иммигрантов-мусульман в европейское сообщество. Согласимся с высказыванием Маэстри о том, что «разнообразие и плюрализм в исламе – это факты, которыми нельзя пренебрегать, если имеешь дело с мусульманскими мигрантами и беженцами, будь то в европейских странах или в странах транзита» (с. 51).

Для продвижения плюрализма в поликультурной (поликонфессиональной) европейской среде недостаточно принять разнообразие «другого», важно научиться взаимодействовать друг с другом, жить в гармонии и согласии (Molli 2018). Таким примером плюрализма, как множества независимых видов бытия, стилей поведения, может служить культурно-этнографическое исследование проблемы *усиленного азана*³ Пуян Тамими Араба, который анализирует конфликт между мусульманской общиной и местным населением в Нидерландах (Tamimi Arab 2015). Причиной конфликта стала просьба мусульманской общины «добавить звуковое измерение призыва к обязательной молитве как пример исламской эстетики» (с. 57). Местное население, в свою очередь, отвергает азан, называя его «шумовым загрязнением». В основе конфликта противоречие: с одной стороны, культурные формы секуляризма исключают право мусульман на публичное богослужение; с другой – политический и конституционный секуляризм позволяет мусульманам требовать усиления азана в стране пребывания. Тамими Араб отмечает, что подобный конфликт характерен не только для Нидерландов и других европейских стран, но и для ряда стран Северной Америки, где мусульманские общины используют громкоговорители для азана.

В Нидерландах данное противоречие разрешилось путём муниципально-го урегулирования и встречами представителей местных общественных организаций с лидерами мусульманских общин, в ходе которых обсуждался религиозный «призыв к молитве». Отметим, что в Нидерландах протестантская гегемония также требовала молчаливого благочестия от других религиозных деятелей, в частности католиков⁴. Другой путь решения конфликта – это новые архитектурные предложения при строительстве в Нидерландах мечетей, дебаты в СМИ, переговоры с местными жителями, чиновниками муниципалитета. Нидерландская национальная модель может служить примером решения про-

³ Азан — в исламе: призыв к всеобщей молитве мусульман (желательно, совместной). Является обязательным для взрослых мужчин (фард аль-кифайа).

⁴ Напомним, что колокольный звон и у православных христиан является важной частью храмового богослужения

блем мусульманской «интеграции» и «принадлежности», когда все участники противоречий и конфликтов стремятся к гармоничному сосуществованию.

Разработку концепции миграции мусульман в Европу один из авторов книги Аннемари Профантер рассматривает в свете истории ислама – явления *хиджры*⁵, в соответствии с некоторыми современными исламскими и юридическими взглядами. Хиджра автором описывается как «переселение мусульман с целью получения возможности свободно исповедовать свою религию и выполнять свои религиозные обязанности по месту своего пребывания» (с. 45). Однако в рамках европоцентризма хиджра рассматривается как вызов для Европы, всё более вовлечённой в миграционные процессы. В последнее десятилетие ключевым миграционным маршрутом в южном направлении для трудовых мигрантов, прибывающих как из мусульманских, так и из немусульманских общин, стало движение из стран Персидского залива в Европу. Профантер даёт подробный анализ модели миграции в её динамике и с описанием недостатков. Она указывает, что с 2011 г. проблемы иммигрантов и беженцев в Европе стали ещё более серьёзными, определяемыми как «время нестабильности и конфликтов», связанными с «арабской весной», серией антиправительственных протестов и восстаний. Война в Сирии, количество жертв которой превысило 330 тыс. человек⁶, привела к бегству людей в более благополучные регионы. Сирийцы составили больше половины миграционного потока, направляясь сначала в соседние страны и Турцию, затем, из-за неспособности правительством удерживать людей на своей территории, в Европу.

Автор ставит вопрос о выборе той национальной модели и формы сотрудничества мусульман-мигрантов с европейцами, которая более приемлема: эффективная координация между местными европейскими и мусульманскими общинами через социокультурную интеграцию, взаимное знакомство с культурными средами, способствующими преодолению разрыва между «культурами происхождения» и «культурой принимающего общества». Проблема социокультурной адаптации и интеграции в инокультурную среду связана с констатацией её проблемных зон и выделением значимости культурного, человеческого измерения личностью собственной идентичности (Шишлова 2021).

Глава «Миграция, интеграция и принадлежность: пакистанские мигранты в Великобритании и в Объединённых Арабских Эмиратах» посвящена интеграции пакистанцев в Великобританию и ОАЭ. Её автор Дженнаро Эррикьелло вводит понятие «миграционного проекта», представляя собственную модель миграции, в основе которой объединение концепций социальной теории и разнообразных миграционных практик (с. 66). Суть миграционного проекта

⁵ Хиджра — переселение мусульманской общины под руководством пророка Мухаммада из Мекки в Медину, произошедшее в 622 г.

⁶ Данные Syrian Observatory for Human Rights на август 2015 г.

базируется на двух подходах. Первый подход – «сверху вниз» – используется в большинстве европейских стран в качестве социально-политического инструмента. Он включает в себя усилия общественных деятелей, чиновников, определяющих политику государства, законы и корректировки, направленные на поощрение интеграции мигрантов. Второй подход – «снизу вверх» – нацелен на решение бытовых проблем мигрантов через активное участие общественных организаций и активистов. Особый подход необходим к подбору общественных активистов, взаимодействующих с мигрантами расово-культурных групп, обладающих межкультурной компетенцией, принимающих мусульманское культурное наследие и учитывающих фактор ислама, связанный с ростом мусульманских общин в Европе (Tsymbalyuk et al. 2021). Данный подход не предполагает вмешательства «сверху», но мигранты при этом должны испытывать чувство принадлежности к стране пребывания, независимо от политики и политиков, принимающих судьбоносные решения по интеграции иммигрантов в принимающее общество (с. 72).

Автор рассматривает формы управления пакистанской миграцией в различных контекстах. В Великобритании проживает самая большая пакистанская община – пакистанские британцы, схожие по численности с диаспорой в Саудовской Аравии. Существуют серьёзные социальные различия между иммигрантами-пакистанцами, проживающими в разных районах Лондона. К примеру, в Бренте и Харроу пакистанцы довольно зажиточны и представляют средний класс, в Ньюхэме иммигранты-пакистанцы принадлежат к рабочему классу и чаще страдают от нищеты. В Саудовской Аравии инфраструктура, обслуживающая пакистанскую диаспору, достаточно богатая. С целью соответствовать требованиям хорошего образования в крупных городах Саудовской Аравии созданы пакистанские школы, следующие пакистанской национальной учебной программе, за исключением Пакистанской международной школы (английская секция) в Джидде, которая ориентирована на британскую систему (с. 88).

Дженнаро Эррикьелло призывает не сравнивать положение иммигрантов-пакистанцев в Великобритании и ОАЭ, которое не будет достоверным, так как базируются на разных государственных структурах, разных подходах в миграционной политике и другим форматом привлечения к миграционным проблемам общественных организаций, что требует дифференцированного подхода.

Ещё один исследователь миграционных проблем Альтеа Периколи в своей главе «Миграционные изменения и проблемы интеграции в марокканском доме» анализирует эволюцию миграционных тенденций в Марокко с учётом взаимосвязи между миграцией и развитием маргинализированности района Эр-Риф на севере страны. Автор пишет о значительном ухудшении за последние пять лет общественно-политической ситуации в Эр-Рифе, сопровождающейся политическими арестами борцов за права человека, журналистов и общественных активистов. Что касается гражданских свобод, то самая влиятельная правозащитная организация Марокко AMDH охарактеризовала ситуацию как

плачевную, сославшись на жестокое подавление государством мирных протестов, особенно в Рифе, жители которого выступают против унижения, маргинализации и нищеты. Все факты только усиливают отток жителей в европейские страны по средиземноморскому пути.

Сегодня регион Эр-Риф стал главным транзитным пунктом западнотранзитного маршрута мигрантов-мусульман в Испанию, которая приняла на себя главный удар, разместив больше мигрантов, чем Италия и Греция. Европейцы осознают, что Марокко и Эр-Риф – последний барьер нелегальной иммиграции в Европу из стран южнее Сахары (с. 100). В этом контексте роль Европы решающая, поскольку именно она способна повлиять на решение миграционных вопросов и оказать финансовую помощь для поддержки марокканских институтов в управлении миграцией. Появление новых маршрутов миграции сделало Марокко незаменимым партнёром для ЕС (Weinar, Unterreiner, Fargues 2017). Европейцы внимательно наблюдают за развитием событий в Эр-Рифе, так как не хотят допустить открытия ещё одного маршрута мигрантов-мусульман в еврозону, создающего дополнительные проблемы.

Автором подробно описывается программа «Миграция между городами Средиземноморья», которую финансирует Европейский трастовый фонд для Африки (Mardari 2017). Программа ориентируется на подход в решении проблем «снизу вверх», чтобы выявлять все позитивные и воспроизводимые модели благополучного, гармоничного сосуществования мигрантов с местными жителями. Данный подход был также обозначен в материалах Дженнаро Эррикелло по движению мигрантов из Пакистана в Великобританию и Саудовскую Аравию.

Ещё одной позитивной моделью интеграции мигрантов-мусульман в Европу может служить материал Серхио Кастаньо Риано, автора главы «Сеута и Мелилья: интеграция или сосуществование в плюралистическом обществе».

Анализируя особенности двух автономных испанских городов на севере Марокко – Сеуты и Мелильи, автор утверждает, что они могут стать национальной моделью для решения проблем мигрантов, прибывших в Европу. Нужно заметить, что мирное сосуществование двух городов не столь безоблачно, так как Марокко и Испания много лет спорят о данных территориях. Испано-марокканская граница – это не только линия, разделяющая два государства, но и условная граница между христианством и исламом, рубеж двух цивилизаций «Восток–Запад» (Bergian, de Haas, Natter 2015). Более 50% жителей двух испанских городов имеют мусульманское происхождение, а остальная часть сохраняет европейское культурное наследие. Данный факт не мешает гармоничному сосуществованию двух городов не только по вопросам торговли, рыбной ловли, но и миграции, хотя в последнее время рост мигрантов марокканского происхождения привёл к превалированию мусульманских обычаев. На вопрос «Может ли данный факт стать проблемой для Испании и ЕС?», испанские власти отвечают, что пребывание мусульман не влияет на положение горожан и статус

автономных городов как части Испании. Симбиоз христианской и мусульманской культур в Сеуте и Мелилье является примером эффективной национальной модели воплощения в жизнь принципов «интеграции» и «принадлежности» в деле миграционной политики.

Напряжённость во взаимоотношениях исламской и западной культур, касающаяся традиционной одежды женщин, не ослабевает, так как не предлагаются приемлемые модели сосуществования. В связи с этим особый интерес представляет глава Коллин Боланд «Хиджаб как воспринимаемая и реальная граница для испанской мусульманской молодежи: рассмотрение кейсов регулирования в свете дискриминации и требования индивидуальных прав», посвящённая молодым мусульманским женщинам из Мадрида, предпочитающим облачаться в хиджаб из культурно-религиозных соображений.

Испанский пример показывает, что юридические споры в отношении хиджаба решаются на индивидуальной основе (разбирается каждый случай обращения женщины-мусульманки). От единообразных правил и общих постановлений Мадрид отказался (с.172), поэтому значительной части молодых мусульманок-иммигранток разрешено ношение хиджаба в общественных местах (в том числе, в бассейне). Автор сожалеет о том, что это отдельные случаи разрешения проблемы, а не всеобщее правило, действующее на всей территории Испании и ЕС, где всё ещё нарушаются основные права на свободу вероисповедания, закреплённые в европейских правовых системах.

На испанском примере мы видим, что ношение хиджаба как небольшого платка любого цвета, скрывающего волосы, уши и шею, а также покрывающего плечи, в ряде аспектов не требует вмешательства государственных органов и толерантно воспринимается местным населением. Ношение платка хиджаба, исключая никаб⁷ или паранджу⁸, достаточно совместимо с западными традициями, что делает возможным снисходительное отношение к женщинам из мусульманских общин. Запрет же на паранджу и никаб существует не только в европейских, но и ряде мусульманских стран (например, Шри-Ланке), обоснованный необходимостью безопасности граждан, так как смертники часто используют паранджу для совершения терактов. В защиту отсутствия в ЕС общих правил, которые позволили бы женщинами-мусульманками носить хиджаб, чадру, паранджу, отметим, что с одной стороны, европейцы боятся утратить культурную гомогенность, с другой – они испытывают чувство тревоги и опасности, подозревая, что человек в хиджабе может потенциально совершить теракт. Поэтому богатое культурное наследие мусульманского мира не просто игнорируется, но и во многих случаях европейцами отвергается.

⁷ Никаб – головной убор только чёрного цвета, полностью закрывающий лицо, оставляющий прорезь для глаз.

⁸ Паранджа – длинное покрывало, полностью закрывающее лицо и тело, где прорезь для глаз закрыта плотной сеткой – чачваном.

Глава «Мобилизация ресурсов и институциональная структура ислама: интеграция турок-мусульман в Германии» её автор Менна Тахер, на наш взгляд, выдержала относительный баланс во взглядах на миграцию мусульман в Европу, в отличие от отдельных высказываний авторов книги, полностью принявших сторону мигрантов-мусульман, односторонне критикуя только европейскую общественность и правительство в недостаточной им помощи.

Согласимся с автором в том, что процесс интеграции – обоюдный процесс, включающий усилия и вклад как принимающего государства, так и целевой группы прибывших, и оба субъекта должны нести ответственность в данном вопросе (Захарова 2018). Несмотря на то, что принимающее государство определяет правовую основу и решает, кто может быть принят или не принят в общество, тем не менее иммигранты-мусульмане внутри общины также должны играть активную роль в этом процессе, организуя и мобилизуя свой потенциал и возможности коммуникации с соплеменниками – отсутствие языкового барьера, знание культуры и традиций и т. д.

Предлагаемая модель интеграции турецких мусульман в Германии является наиболее реалистичным примером интеграции, поскольку он выявляет не только положительные моменты вхождения, но и дефекты процесса интеграции мусульман, указывая, с одной стороны, на непоследовательную и нерешительную роль Германии в определении «интеграционного процесса», с другой – игнорирование мусульманскими общинами собственного потенциала в разъяснении соплеменникам культуры страны пребывания. Кроме этого, автор указывает на важное противоречие: Германия и целевая группа нацменьшинства (мигранты-мусульмане) пошли разными путями к интеграционному процессу. Принимающая сторона предлагает разработать евроверсию ислама, которая соответствует его светским ценностям и которую поддерживают многие общественные организации. Мигранты-мусульмане и сочувствующие им общественные организации стремятся навязать собственную версию ислама, не соответствующую принципам светскости. Эти противоположные тенденции коснулись и дебатов о хиджабах, непоследовательной правовой позиции, занятой различными немецкими землями по этому вопросу.

Разные политические программы, принятые принимающим государством и государством исхода, действуют в Германии, оставляя целевую группу нацменьшинства вне решения проблем, лишая их субъектности. Именно подход «снизу вверх», отмечает автор, способен понять «идентичность» иммигрантов и принимающего сообщества, став шагом к эффективной интеграции. В обратном случае встаёт вопрос распространения исламофобии, с одной стороны, и джихадизма, с другой (Политические режимы разделённых обществ 2019).

Осознание всеми субъектами новых векторов миграционных процессов должно пролить свет на культурное многообразие прибывших мусульманских

общин в Европу, учитывая «фактор ислама», демонстрирующий иные модели поведения мусульман в мирской жизни. В ходе социокультурной адаптации важно, на наш взгляд, сохранять баланс между «интеграцией» и «принадлежностью», внимая не только особенностям мусульманской культуры, сохраняя идентичность мусульман-иммигрантов, но и, одновременно, разъясняя иммигрантам то, что успех вхождения в еврообщество зависит и от принятия ими культуры принимающего общества, европейских правил общежития, включая изучение языка страны пребывания. О важности языка начинают говорить тогда, когда в обществе назревают межкультурные проблемы. К примеру, французская мусульманская община (умма) – одна из самых больших в Европе (более 6 млн чел.)⁹. Расселение прибывших происходит преимущественно на одной территории в этнической диаспоре (Захарова 2018), что позволяет им сохранить культурную идентичность, но усложняет интеграцию в социальную жизнь французов. Проживание в общине делает необязательным изучение языка, создавая множественные проблемы для иммигрантов в сфере коммуникации с местным населением. К примеру, языковая адаптация и интеграция мигрантов в российское общество – не исключение, поэтому, как и в Европе, в России существует обязательное тестирование по русскому языку, ставшее отправной точкой и стимулом межнационального общения. В России мигранты-мусульмане не селятся общинами, что ускоряет, с одной стороны, их интеграцию, с другой – порождает иные проблемы – жалобы на одиночество, чувство «чужого», синдром культурного шока, конфликт старых и новых культурных норм. Для российской иммигрантской политики начиная со времен царской России, более важным был подход «сверху вниз» как социально-политический инструмент, отвечающий за вектор «происхождение» (Voevoda, Belogurov, Romanenko 2017). Что касается современного этапа, россияне стали позитивнее относиться к иммигрантам. Однако нужно помнить, что кросс-культурный плюрализм – это не только толерантность, но и активное принятие культурного разнообразия «другого» человека.

Последняя глава книги «Иммиграция в Европу и Италию: разные взгляды, общие проблемы?» Аннемари Профантер как бы подводит итог рассуждениям о миграции мусульман в Европу и связанным с ней проблемам. Автор подчёркивает, что Италия считается ключевым игроком в Средиземноморском регионе наравне с Испанией и Грецией. Анализируя миграционную политику Италии, автор отмечает её зависимость и принимаемые решения от чередующихся левых и правых правительств, их взглядов на вопросы миграции. Однако то, что объединяет национальные интеграционные модели Италии – это осознание неизбежности массового притока мигрантов мусульманского вероисповедания,

⁹ Маму И. 2017. Мусульманское демографическое будущее Франции. *ПолуСМИ*. 22 февраля. URL: <https://marc-aureli.livejournal.com/131082.html> (дата обращения: 11.09.2022).

поэтому составляются такие интеграционные программы, которые сохраняют их культурную идентичность. И если европейские страны только предпринимают попытки в данном вопросе, то в Италии, согласно исследованию Профантер, уже действуют законы, касающиеся культурного и религиозного фактора, особенностей мусульманской культуры и сохранения мусульманами в стране пребывания собственной идентичности.

Знакомство с материалами книги «Проблемы миграции и интеграции иммигрантов-мусульман в Европе» позволяет сделать вывод: несмотря на сложные геополитические и социальные изменения, привлекательность Европы как главного направления для иммигрантов из мусульманских общин с каждым годом растёт. Предлагаемые национальные модели, разработанные для поддержки мигрантов-мусульман в государства ЕС на основе феноменов «интеграции» и «принадлежности», важно анализировать и адаптировать к реальности каждой из европейских стран. Учёт данных феноменов позволит исследователям перейти от европоцентризма к кросс-культурному плюрализму как возможности сосуществования множества несводимых друг к другу культур.

Отмечая достоинство представленных материалов по вопросам миграции и интеграции мигрантов-мусульман в принимающее европейское общество, качественную работу составителей книги, осуществивших макроанализ объёмного материала, в качестве критики стоит сказать следующее. Во-первых, представленные национальные модели не в полной мере, на наш взгляд, отражают опыт создания национальных моделей интеграции мигрантов-мусульман, оставляя за бортом эффективно реализуемые модели в отношении мусульман в странах Северной Европы. Во-вторых, никто из авторов не связывает миграционный кризис в Европе с тем фактом, что часть европейских стран имела опыт колониальной политики (см. например, Захарова 2018), которая является одной из причин недружественного отношения к иммигрантам-мусульманам как естественного продолжения колониальной политики даже в случае обретения независимости бывшими колониями (Гаджимурадова 2019).

Завершая рецензирование книги, процитируем мнение главы духовного собрания мусульман России Альбира Крганова на заседании ОБСЕ в Варшаве, отметившего, что миграционная политика в европейских странах оказалась не состоятельной, сопровождаемая растущим уровнем мигрантофобии, и Европе было бы полезно использовать опыт России в этой сфере¹⁰.

¹⁰ Крганов призвал Европу использовать опыт России в сосуществовании религий. 2018. *Islamtoday*. 13 сентября. URL: <https://islam-today.ru/novosti/2018/09/13/krganov-prizval-evropu-ispolzovat-opyt-rossii-v-sosusestvovanii-religij-i-ras/> (дата обращения: 11.09.2022).

Об авторах:

Наталья Крутова-Солиман – преподаватель немецкого языка Народного университета Франкфурта-на-Майне, Sonnemannstraße 13, D-60314 Frankfurt am Main. E-mail: nkrutova@web.de

Екатерина Витальевна Гриневич – преподаватель кафедры английского языка международной профессиональной деятельности Белорусского государственного университета. 220030 Минск, Проспект Независимости. 4. E-mail: sidorofna@gmail.com

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

UDC: 325
Received: June 12, 2022
Accepted: August 31, 2022

European Politics towards Muslim-Migrants

N. Krutova-Soliman¹

E. V. Grinevich²

[DOI 10.24833/2071-8160-2022-4-85-186-198](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-4-85-186-198)

Goethe-Universität Frankfurt am Main¹

Belarusian State University²

Book review: Profanter A., Maestri E. 2021. *Migration and Integration Challenges of Muslim Immigrants in Europe. Series Title: Politics of Citizenship and Migration*. Palgrave Macmillan. 289 p. <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-030-75626-0>

Keywords: migration, integration, belonging, coexistence, Europe, Muslim-migrants, Eurocentism, Trans-Mediterranean nets, globalization, cross-cultural pluralism, plural society

About the authors:

Natalia Krutova-Soliman – Lecturer of German language, Goethe-Universität Frankfurt am Main. Sonnemannstraße 13, D-60314 Frankfurt am Main. E-mail: nkrutova@web.de

Ekaterina V. Grinevich – Lecturer of English language, Belarusian State University. 220030 Minsk, 4 Prospekt Nezavisimosti. E-mail: sidorofna@gmail.com

Conflict of interests:

The authors declare absence of conflict of interests.

References:

- Arango J. 2016. *Spain: New Emigration Policies Needed for an Emerging Diaspora*. Washington, DC: Migration Policy Institute. URL: <https://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/TCM-Emigration-Spain-FINAL.pdf> (accessed 11.09.2022)
- Berrian M., de Haas H., Natter K. 2015. Introduction: Revisiting Moroccan migrations. *Journal of North African Studies*. 20(4). P. 503–521. DOI: 10.1080/13629387.2015.1065036
- Voevoda E.V., Beloguriv A.Y., Romanenko N.M. 2017. Language Policy in the Russian Empire: Legal and Constitutional Aspect. *Journal of Constitutional History*. 33(1). P. 121–129.
- Laheij C. 2015. *A Country of Trial: Islamic Reformism, Pluralism and Dispute Management in Peri-Urban Northern Mozambique*. PhD thesis, London School of Economics and Political Science.
- Mardari V. 2017. *European Union and Diaspora Engagement Policy within Changing Realities*. Working Papers. 9(3), p. 213–232. Centre for European Studies (CES). https://ceswp.uaic.ro/articles/CESWP2017_IX3_MAR.pdf (accessed 11.09.2022).
- Molli S. D. 2018. *Religion and Immigration: a Comparative Study among Ethnic Churches in Europe*. Università Cattolica del Sacro Cuore, XXXII ciclo, a.a. 2018/19, Milano. URL: <http://hdl.handle.net/10280/75452> (accessed 11.09.2022).
- Tsybalyuk E. I., Romanenko N.M., Volkova M.A., Romanenko A.V. 2021. Psychological and Pedagogical Conditions Conducive to the Formation of Intercultural Competence among Students from Sifferent Countries. *Journal of Language and Linguistic Studies*. 17(S2). P. 1392–1409. URL: <https://www.jlls.org/index.php/jlls/article/view/2607> (accessed 11.09.2022).
- Tamimi A.P. 2015. *Amplifying Islam: Pluralism, Secularism and Religious Sounds in The Netherlands*. Utrecht University Repository (Dissertation). URL: <http://dspace.library.uu.nl/bitstream/1874/312417/1/TamimiArab.pdf> (accessed 11.09.2022).
- Weinar A., Unterreiner A., Fargue Ph. (eds.) 2017. *Migrant Integration Between Homeland and Home Society. 1, Where Does the Country of Origin Fit?* Springer. DOI: 10.1007/978-3-319-56176
- Gadzhimuradova G.I. 2019. Migratsionnaya politika stran Severnoy Yevropy v otnoshenii immigrantov iz musul'manskikh stran (na primere Shvetsii i Finlyandii. [Migration Policy of Northern Europe towards Muslim-migrants: Sweden and Finland]. *Islamovedeniye*. Tom 10. 2(40). P. 5–21. (In Russian).
- Kozlovets N.A. 2018. Yevropotsentrizm kak ideologicheskii fenomen i obshchestvenno-politicheskaya praktika. [Eurocentrism as Ideological Phenomena and Socio-Political Practice]. *Yevraziystvo i mir*. №1. P. 35–48. (In Russian).
- Kudryashova I.V. 2017. Musul'manskaya politicheskaya identichnost' v sovremennuyu epokhu: Svyashchennyy tekst i sotsial'nyy opyt. [Muslim Political Identity in Modern Times: Sacred Texts and Social Experience]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya*. 19(4). P. 349–365. (In Russian).
- Politicheskiye rezhimy razdelonnykh obshchestv v usloviyakh globalizatsii. [Political Regimes of Split Societies in the Context of Globalization]. 2019. O.G. Kharitonova, I.V. Kudryashova, S.M. Khenkin [i dr.] *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki*. 4(97). P. 48–58. DOI: 10.22204/2587-8956-2019-097-04-48-58. (In Russian).
- Shishlova E.E. 2021. Obnovleniye soderzhaniya vysshego obrazovaniya v kontekste sovremennykh sotsiokul'turnykh trendov. [Updating the Content of Higher Education in the Context of Modern Sociocultural Trends]. *Vysheye obrazovaniye v Rossii*. 30(6). P. 70–79. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-6-70-79 (In Russian).

Veretevskaya A.V. 2012. *Perspektivy i prepyatstviya dlya politiki mul'tikul'turalizma v konsolidirovannykh demokratiyakh Zapadnoy Yevropy*: Dis. ... kand. polit. nauk. [Obstacles and Prospects for Multiculturalism in Consolidated Western European Democracies]. Moscow: MGIMO. 209 p. (In Russian).

Zakharova E.A. 2018. *Sovremennyy terrorizm v zerkale frantsuzskoy politiki*. [Modern Terrorism through the Prism of French Politics]. *Politicheskaya nauka*. №4. P. 241–257. DOI: 10.31249/poln/2018.04.12 (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Веретевская А.В. 2012. *Перспективы и препятствия для политики мультикультурализма в консолидированных демократиях Западной Европы*: Дис. ... канд. полит. наук. Москва: МГИМО. 209 с.

Гаджимурадова Г.И. 2019. Миграционная политика стран Северной Европы в отношении иммигрантов из мусульманских стран (на примере Швеции и Финляндии). *Исламоведение*. Том 10. 2(40). С. 5–21.

Захарова Е.А. 2018. Современный терроризм в зеркале французской политики. *Политическая наука*. №4. С. 241–257. DOI: 10.31249/poln/2018.04.12

Козловец Н.А. 2018. Европоцентризм как идеологический феномен и общественно-политическая практика. *Евразийство и мир*. №1. С. 35–48.

Кудряшова И.В. 2017. Мусульманская политическая идентичность в современную эпоху: Священный текст и социальный опыт. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 19(4). С. 349–365.

Политические режимы разделённых обществ в условиях глобализации. 2019. О.Г. Харитонов, И.В. Кудряшова, С.М. Хенкин [и др.]. *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки*. 2019. 4(97). С. 48–58. DOI 10.22204/2587-8956-2019-097-04-48-58.

Шишлова Е.Э. 2021. Обновление содержания высшего образования в контексте современных социокультурных трендов. *Высшее образование в России*. 30(6). С. 70–79. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-6-70-79